

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО
АЛФАВИТА

172
131

КУЛЬТУРА и ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

Книга VII-VIII

ИЗДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
НОВОГО АЛФАВИТА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК СССР

МОСКВА — 1931

ДУНГАНЕ¹.

(Из материалов дунганской
экспедиции 1930 года).

Помещая в журнале „Культура и Письменность Востока“ статью по мало-исследованному вопросу быта и языка дунганского народа, автор приносит благодарность научно-исследовательскому институту при ЦИК Киргизской АССР, по приглашению и с помощью которого была организована Академией Наук СССР экспедиция для этнолого-лингвистического обследования дунган.

Среди разнохарактерного племенного состава народов Средней Азии, так называемые „дунгане“ особенно резко выделяются обособленностью своего быта и языка. Мы не имеем точных статистических данных о количестве дунган, проживающих в данный момент на территории Киргизской и Казахской АССР. Официальная перепись 1918 года дает нам общую цифру 18.318 человек² для всего дунганского народа в пределах Союза; согласно переписи 1926 года мы имеем цифру в 14.600 человек³ (из них в Кирг. АССР—6004 и в Казахской АССР—8455), в статье-же проф. Чобан-заде „Итоги унификации алфавита тюрко-татарских народов“⁴ количество дунган определяется в 50.000 человек, однако последняя цифра является преувеличенной и, повидимому, вернее будет взять среднее число между 20—25.000, так как за последние четыре года мы наблюдаем прирост дунганского населения (образование новых поселков, напр. Ми-лянь-чуань и Ю-шань-ло во Фрунзенском кантоне) и возвращение дунган в 1926 году из Китая, куда они частично эмигрировали в годы гражданской войны. По непроверенным данным 70% всего дунганского населения являются дехканами, 20% кустарями и занятыми на отхожих промыслах, 5% мелкими торговцами и 5% духовенством. Последняя цифра осо-

¹ Помещая статью Б. А. Васильева, представляющую ценный этнографический и лингвистический материал, редакция отмечает полную беспомощность автора в описании нынешних условий жизни дунганского населения. Только специфичностью „научных“ интересов автора можно объяснить, что во время своего пребывания среди дунган он проглядел такие явления, как классовое расслоение дунганской деревни, классовую борьбу вокруг советов, борьбу за колхозы, борьбу новой культуры со старым бытом, роль советов, партийных и комсомольских организаций и т. д. Ред.

² См. И. И. Зарубин. Список народностей СССР, стр. 43. Изд. Ак. Наук СССР 1927. Ленинград.

³ Эта цифра получена мною в Статистическом Бюро при ЦИК Кирг. АССР.

⁴ См. „Культура и Письменность Востока“, Книга III, стр. 24. Баку 1928.

бенно показательна, поскольку еще в 1925 году духовенства считалось до 30%. Литература, посвященная дунганам, весьма незначительна и сводится к случайным и несистематическим сведениям, касающимся некоторых сторон быта и отчасти политических событий, связанных с дунганским восстанием в Китае в половине прошлого столетия¹.

Происхождение дунган является вопросом спорным, но антропологическое знакомство с типом во всяком случае заставляет нас признать значительное отличие от типа китайского, несмотря на китайский язык, которым пользуются дунгане, и на китайский уклад их быта.

Сами дунгане называют себя двояко: или „чжун-юань-жэнь“ (zhunq juan jhen) т. е. „китайцы“, хотя и не осмысляют этого слова в таком его основном значении, или-же „хуй-хуй“² (hui hui), т. е. „мусульмане“, пользуясь в данном случае тем словом, которым в Китае называется все мусульманское население различных провинций. Прилагаемое к ним название „дунгане“, вернее „тунгане“, сами они осмысляют через слово „тургани“—„оставшиеся“, которое якобы было к ним приложено тюркским населением Средней Азии после того, как в 80-х годах прошлого столетия под напором китайской армии они перешли границу и остались в пределах тогдашнего Семиречья.

Вопрос о племенном составе дунганского народа пока остается открытым, поскольку мы не имеем проверенных данных, ни в виде антропологических выводов, ни в виде филологических материалов, на основании китайских источников по истории дунган, и нельзя определенно склониться ни к одной из существующих версий, из которых одна утверждает, что дунгане являются китайцами, подвергшимися сильному культурному воздействию мусульман и отуреченными, другая-же, что дунгане являются китаизированным населением Западного Китая турецкого происхождения.

Однако необходимо отметить несколько моментов, имеющих прямое отношение к данному вопросу. Среди дунганского населения циркулирует несколько версий происхождения дунган, которые при ближайшем ознакомлении оказываются устной традицией тех легенд, явно религиозного характера, которые мы находим у мусульман Китая.

¹ Полная библиография всех работ, появившихся до настоящего времени в печати относительно дунган, дана в книге „Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Ср. Азиатских республик“, Вознесенской и Пиотровского. Гл. 23. № 2633-54, г. Ленинград.

² Интересно отметить, что часть дунган в селении Каракунуз называет себя сань-хуй-цзы (sanhuiz), повидимому отличая себя от остального дунганского населения. Наконец, совершенно особняком стоит группа дунганского населения, т. н. сала (ры).

См. Ф. Поярков и В. Ладыгин. Салары. Этнограф. обзор. 1893. № 1.

Найденная мною в городе Фрунзе у старика-дунганина ¹ рукопись на китайском языке, датированная 1854 годом и являющаяся легендой о появлении мусульманства в Китае, подтверждает такое положение, так как именно с этой (или другой подобной) китайской

Рис. 1. Тип дунганина
дер. Милянчуань
Фрунзенского кантона
Киргизской АССР.

рукописи был сделан перевод на чагатайский язык редкой книги Сулеймана Шарифа „История дунган“—„Tarixi turganijjə“, изданной в Ташкенте в 1917 году и пользующейся широкой популярностью среди консервативной части дунганского населения.

¹ Ма Вэнь-цан (Дихан бай), 62-х лет, родом из Синьцзяна, эмигрировавший из Китая вместе с отрядами знаменитого Бэй-Ян-ху, вождя дунган.

В связи с полным отсутствием работ, научно освещающих вопрос происхождения дунган, и с наличием фантастических легенд с религиозной тенденцией, перед молодой дунганской общественностью стоит, в ряду других не менее важных, вопрос издания истории дунганского народа, построенной на научной социологической базе, и долг наших молодых китаистов-историков, собрав источники, дать марксистски выдержанный труд, который имел бы как чисто-научную ценность, так и практическое значение в борьбе с глубоко впитавшейся религиозной традицией.

Язык, на котором говорят дунгане, является почти чистым китайским, с незначительной примесью турецких, арабских, русских и некоторых других заимствований, составляющих, в общей сложности, не более 1⁰/₀ всего языка¹, при чем этот китайский язык представлен в двух его диалектах, а именно—в Шэньсийском и Ганьсуском. Это объясняется тем обстоятельством, что дунгане являются выходцами главным образом из двух провинций Китая, из Шэньси и Ганьсу, откуда, после мусульманского восстания, в половине прошлого века вышли отряды повстанцев и, двигаясь, теснимые китайскими войсками, на Запад, докатились до Илийской границы царской России, которую часть из них перешла зимой, в декабре 1877 года в районе нынешнего Каракола и Нарына.

Провинциальная дифференциация по языку сохранилась до сих пор, и дунгане, проживающие в пределах Киргизстана (Фрунзе, Токмак, Каракол, Ырдык, Милянчуань), пользуются главным образом ганьсуским диалектом китайского языка, будучи по происхождению связаны с провинцией Ганьсу, тогда как дунгане, проживающие в пределах Казахстана (Каракунуз, Шортюбе), пользуются диалектом Шэньси.

Конечно, это лишь приблизительная ориентировка, так как в пределах той же Казакской республики, напр. в Алма-Ата, дунгане, говорят по-ганьсуски. Правильнее сказать, что расселение дунган, независимо от территории, происходит по признаку традиции провинциального расселения в Китае, где в крупных городах жители, происходящие из иных провинций, селятся землячествами, и те или иные дунганские поселения в Средней Азии характеризуются их происхождением из Ганьсу или Шэньси.

Различие дунган ганьсуских и шэньсийских сказывается не только в языке, но и в условиях быта. Это тоже вполне соответствует положению вещей в самом Китае, где провинциальная диф-

¹ Я имею ввиду язык народной массы, крестьянства, а не дунганской интеллигенции, которая, получив русское или татарское воспитание, почти забыла родной язык и при разговоре на нем непроизвольно пользуется татарскими или иными словами. Иногда же просто переходит с дунганского на другой, ей более привычный, язык.

ференцированность сказывается весьма резко. По свидетельству самих дунган, шэньсийцы считаются более консервативными и более сохранившими китайский быт, чем ганьсусцы. Даже в одежде, особенно в женской, мы наблюдаем сохранение старинных традиций, давно бесследно исчезнувших в самом Китае.

Рис. 2. Тип дунганина
дер. Ырдык Караколь-
ского кантона Киргиз-
ской А.С.С.Р.

Положение женщин в поселениях дунган-шэньсийцев можно признать несравнимо тяжелее, чем у ганьсусцев, изоляция и подчинение настолько очевидны, что ходячее мнение о свободе дунганских женщин является голословным.

Антагонизм, существующий между китайцами различных провинций в Китае, в качестве пережитка сохранился отчасти и у дун-

ган. Например, если в одном и том же дунганском селении живут совместно шэньсийские и ганьсуские дунганы, то они имеют отдельные мечети и, если ганьсусцы допускают послабления, то шэньсийцы более фанатичны и консервативны в различных обрядах. К сожа-

Рис. 3. Тип дунганина
дер. Шортюбе Казакск.
А.С.С.Р.

нию религиозный фанатизм и предрассудки еще очень сильны в дунганской среде и тормозят ее культурное развитие ¹.

¹ До самого последнего времени в деревне Каракуруз, при населении в 3864 человека, существовало 47 мечетей. Благодаря энергичным усилиям молодежи, почти все они закрыты, но неофициально многие продолжают существовать. По слухам существует негласно даже духовная школа для девочек. Но ясно намечается перелом и, конечно, религиозные устои сильно пошатнулись, и теперь в среде крестьян не раз приходится сталкиваться с фактами отрицательного отношения к духовенству.

Различие в диалектах создает известное затруднение, правда незначительное, при разрешении вопроса о введении латинизированного алфавита для дунганского народа, но эта трудность ограничивается главным образом некоторым различием в словоупотреблении и в произношении некоторых звуков. С точки зрения письменности дунгане были народом бесписьменным, так как умение, в свое время, верхушки населения, духовенства и интеллигенции, пользоваться арабским шрифтом для транскрипции дунганских слов не являлось еще решением вопроса о существовании дунганской письменности. Кроме того, эта транскрипция помимо своей малой доступности, не была уточненной, не существовало единого выработанного правописания, а это приводило к непониманию. Кроме того, тогдашняя интеллигенция и духовенство, будучи двуязычными, предпочитали пользоваться в качестве письменного языка—татарским или русским, основная же масса населения была неграмотной.

Переходя к вопросу о латинизации дунганского письма, необходимо несколько остановиться на указанных диалектических различиях его и дать некоторое представление как об этих различиях, так и о заимствованных элементах дунганского языка в целом, перейдя затем уже непосредственно к проблеме нового латинизированного алфавита, введение которого чревато очень важными последствиями, выходящими за пределы национального вопроса в Средней Азии.

Привожу некоторые примеры различия шэньсийского и ганьсуского диалекта у дунган.

	Г а н ь с у	Ш э н ь с и
1 Бутылка	pinqz	cuanz
2 Тетка	zjumu	zinqz
3 Внук	sunqz	wosunq
4 Капуста	ljanqhuabei	werbei
5 Крахмальная лапша	fynqtjaoz	banfynq

Помимо вышеприведенного различия слов, различие произношения также имеет место:

	Ганьсу	Шэньси
1 Я	wo	nqe
2 Солнце	jhetou	ertou
3 Река	he	hno

Кроме того, семантическое различие одних и тех-же слов в обоих диалектах сказывается также, напр. слово „lunqz“ в говоре шэньсийцев из Каракунуза значит „корзина“, тогда как у ганьсусцев из Каракола это же слово „lunqz“ значит „канарейка“; с другой стороны слово „канарейка“ у шэньсийцев звучит как „сјаолунqz“, а слово „корзина“ у ганьсусцев будет звучать „kuanqz“. Еще пример: у шэньсийцев слово „liha“ означает „стоять“, у ганьсусцев же означает „прислонить“, а для слова „стоять“ последние употребляют слово „zhanha“.

Эти основные диалекты усложняются еще сининским и хэчжоуским говорами, правда в незначительной, пропорционально, степени.

Привожу для иллюстрации два примера:

	Шэньси	Ганьсу	Синин	Хэчжоу
Старший брат	gege	gege	aguo	—
Куда идешь?	—	nancini	ancila	adei

Все вышеприведенные примеры даны для характеристики диалектических различий, но в основном оба наречия настолько близки, с незначительным отклонением в артикуляции некоторых звуков, что, конечно, достигается полное взаимное понимание. Однако при составлении дунганского словаря диалекты придется принять во внимание.

Что касается иноязычных заимствований в дунганском языке, то при незначительном их количестве легко можно зафиксировать наиболее ходовые из них, как напр.:

harraket	движение	арабск. <u>h</u> arakāt
asman	небо	перс. asman
errgeli	умный	тур. erkli(?)
maiti	покойник	арабск. majjit
megsud	цель	„ māqsūd
mailje	ладно	„ mājl
njeti	решать	„ nijjāt
alifbe	азбука	„ alifbe
ubali	жалкий	„ wābal
hazyrr	сейчас	„ hazir
mominq	мусульманин	„ mu'min
dunja	мир	„ dunja
wyinonq	танец	тур. ojun

Эти и тому подобные заимствования подчиняются китайскому языковому построению во фразах, и, следовательно, говоря, например, „он следит за твоим движением“, дунганин произносит: „ta kan

nidy harraket ni“, или: „ты зачем сюда пришел?“ соответственно: „Ni dao zhege difanq laidì megsud dì sy sa“. Такие вставки совершенно аналогичны при употреблении заимствованных русских слов, которых становится все больше и больше в связи с внедрением нового

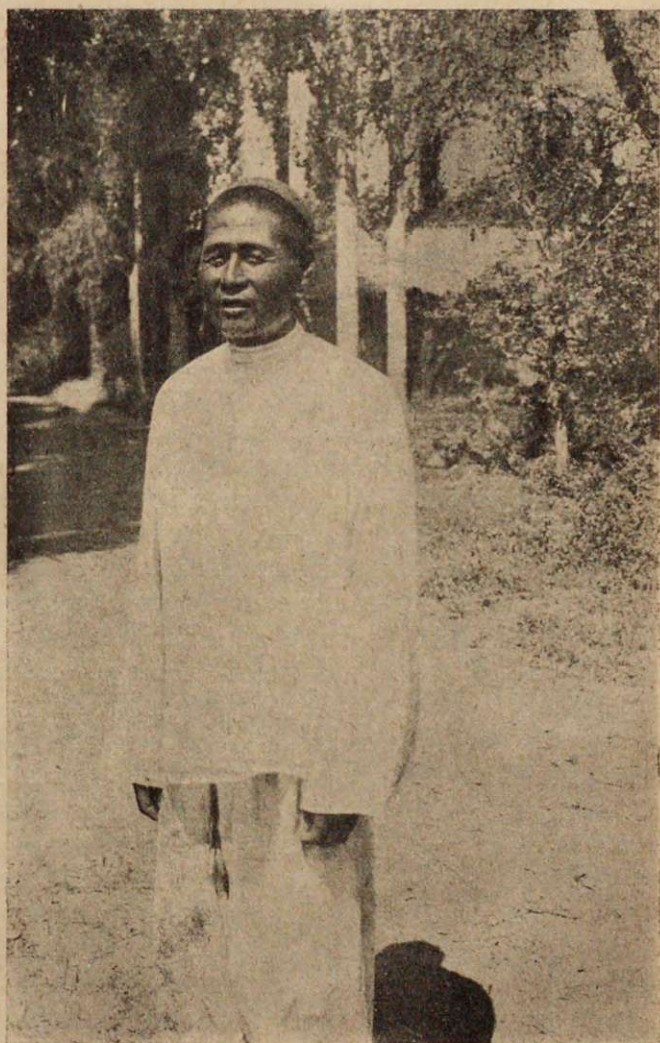

Рис. 4. Тип дунганина
дер. Каракунуз (Иппань)
Каз. А.С.С.Р.

быта, напр., „прибыл красный обоз“ по дунгански звучит „hunqdi abozy laili“.

Но в то-же время для многих, чисто советских, слов применяются старые китайские названия, которые в самом Китае исчезли после революции 1911 года, так напр. „сельсовет“ называется старинным китайским словом маньчжурской эпохи—„ямынь“ (jamyn), что скорее равноценно древнему русскому слову „приказ“.

Вопрос терминологический особенно остро стоит сейчас перед дунганской общественностью, поскольку новые формы жизни обновляют язык все новыми и новыми понятиями, и эти последние, как термины, приобщаются пока не путем перевода, а путем простого заимствования. С другой стороны, в связи с латинизацией дунганского письма, являющейся задачей первой необходимости, встает несколько весьма существенных проблем. Если принять во внимание китайскую основу дунганского языка, то вопрос его латинизации и создания литературы является тесно связанным с латинизацией китайского письма вообще, а это значит, что опыт проделанный в пределах СССР будет иметь колоссальное значение и для зарубежного дунганского населения, и для Китая в целом. Исходя из такой предпосылки, можно умозаключить о необходимости такой латинизации, которая практически была бы возможной для использования за рубежом, следовательно нужно дать простейшую латинскую транскрипцию, исходя практически хотя бы из наличия латинских букв на пишущих машинках и общего типографского шрифта¹. С этой точки зрения примененный для дунган с санкции 3-его пленума ВЦК НА обще-тюркский латинизированный алфавит практически является менее удобным, так как включает и не латинские буквы, ө, ь, а равно и усложненные начертания,—ç, ц, ş, z, требующие специального отлива и отсутствующие на обыкновенных пишущих машинках с латинским шрифтом или в обычном типографском наборе (если мы примем во внимание Китай). Но даже если не принять во внимание эту точку зрения, безусловно политически важную, все-же правы были проф. Л. В. Щерба и ак. А. Н. Самойлович, считавшие невозможным положить в основу дунганской письменности унифицированный алфавит² хотя бы уже в силу того, что в дунганском алфавите многие буквы унифицированного алфавита потеряли свое общетюркское чтение, напр. q, ө, h, z, которые читаются как эр, ю, с, цз (эг, ъ, ç, tz). Если даже согласиться с дунганским алфавитом, принятым на 3-м пленуме ВЦК НА, основанным на унифицированном для народов Средней Азии шрифте, то даже в этом виде он является не вполне точным и его необходимо упорядочить и упростить, изъяв например буквы ө и h (в старом начертании), которые передавали: первый звук ö а второй—ç³, и оговорив употребление этих звуков простым орфографическим правилом, а именно: звук ө, раньше требовавший

¹ Печатаемая ниже часть статьи тов. Васильева, содержащая критику унифицированного алфавита, печатается лишь как материал. Редакция считает, что в настоящее время постановка вопроса о пересмотре унифицированного алфавита является преждевременной и вредной в деле дальнейшего развертывания латинизации письменности народов Востока. Редакция.

² См. „Культура и Письменность Востока“, книга III, стр. 26.

³ В международной транскрипции.

в слове напр. „луна“ начертания jə, что не верно уже фонетически, передавать через „jve“ (кстати этот звук редко встречается), а для звука *ç* и *z* принять вообще только одну букву, *s*, которая перед твердыми гласными будет читаться как *s*, а перед мягкими, как *ç*, т. е. в *sa*, *so*, *su*, *se*, *sy*, — будет читаться как *s*, а в *si*, *sv*, *sj*, — читаться мягко, как *ç*. Кроме того необходимо свести в одно такие различные начертания, как *dz*, *ç* — для аффрикаты „чж“, а также *c*, *tf* и *tç* для звука „ч“, которые существуют в унифицированном алфавите для дунган.

Тогда весь дунганский алфавит будет состоять из 31 буквы с приложением нескольких орфографических правил и нескольких дифтонгов.

B, b—б	P, p—п	F, f—ф	V, v—в	M, m—м
D, d—д	T, t—т	S, s—с	N, n—н	
Z, z—цз	Ts, ts—ц			
Ş, ş—ш	Z, z—ж	Ql, ql—эр		
R, r—р	L, l—л			
Ç, ç—чж	C, c—ч			
G, g—г	K, k—к	X, x—х	N, n—нг	
A, a—а	O, o—о	U, u—у	E, e—е	I, i—и
	B, ь—ы	Ə, ə—э	Y, y—ю	J, j—йот.

Но этот же унифицированный алфавит, в целях применения не только для дунган, а в плане обще-китайской латинизации, можно целиком переключить на чисто-латинский шрифт, использовав принцип соединения букв вместо специального отлива знаков, оговорив орфографические правила. В таком случае дунганский алфавит состоял бы из 30 знаков и представлялся бы в следующем виде¹.

B, b—б	P, p—п	F, f—ф	W, w—в	M, m—м
D, d—д	T, t—т	S, s—с	N, n—н	
Z, z—цз	C, c—ц			
Sh, sh—ш	Jh, jh—ж	R, r—эр		
Rr, rr—р	L, l—л			
Zh, zh—чж	Ch, ch—ч			
G, g—г	K, k—к	H, h—х	Nq, nq—нг	
A, a—а	O, o—о	U, u—у	E, e—э	I, i—и
		Y, y—ы	V, v—ю	J, j—йот.

Дифтонги: ao, ai, ou, ua, uai, ei, ui, uo, ve, vi.

С вопросом об алфавите и о латинизированной дунганской письменности связан еще один момент, упущенный при утверждении существующего унифицированного алфавита и не учтенный самими

¹ Предлагаемый алфавит является лишь проектом, и вопрос латинизации разрабатывается в данный момент группой по введению латинизированной письменности для китайцев при институте Востоковедения Академии Наук.

дунганами, а именно—вопрос о тональности и соответственном обозначении. При корневом составе и моносиллабичности дунганского языка, количество произносительных единиц сравнительно не велико и требует применения различной тональности для смыслового отличия одного слова от другого, начертательно не разнящихся. Таким

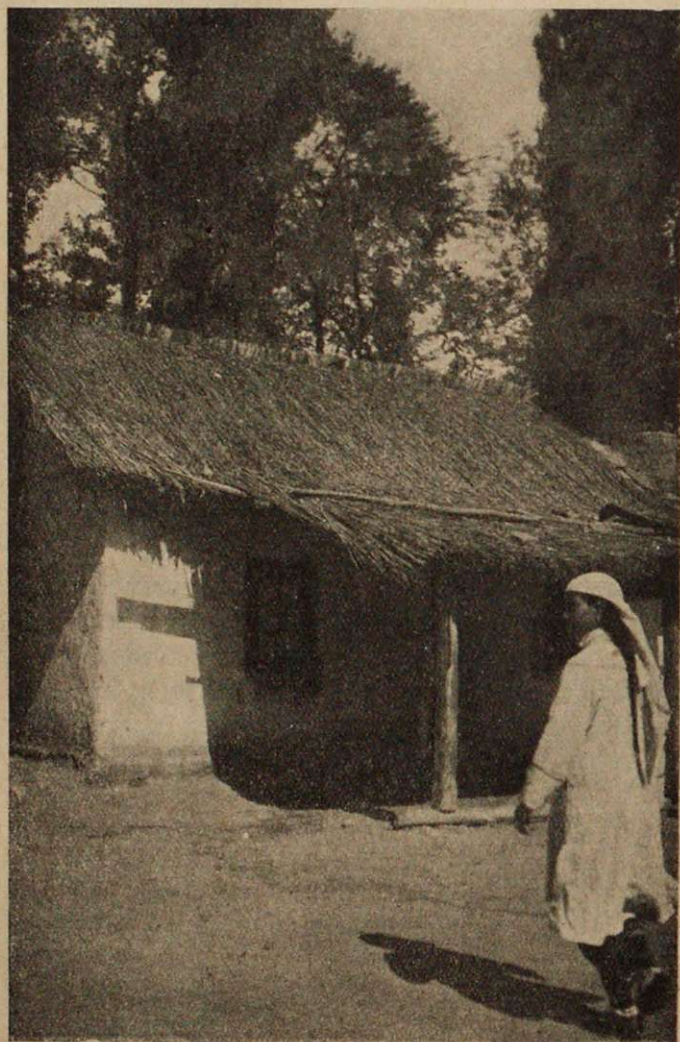

Рис. 5. Дунганская женщина гор. Фрунзе Кирг. АССР.

образом „та“ может в зависимости от тона означать четыре различных понятия: мать, лошадь, конопля, ругать.

Правда, благодаря контексту и инкорпорации синонимических слов, эта тональность не занимает решающей позиции, но с ней необходимо тем не менее считаться, особенно при составлении словаря, когда не существует критерия контекста. Иногда же и в контексте необходимо обозначение тональности, как напр. во фразе:

„ta shanq naɣ cvi“, которая в зависимости от тона слова „naɣ“ будет обозначать или утверждение или вопрос, т. е. или „он куда пошел?“ или „он туда пошел“.

Любопытно, что сами дунгане при составлении латинизированных учебников с этим фактом практически столкнулись, но не уяснив теоретически, пытались объяснить слышимую разницу слов долготой гласных звуков и графически передавали только два типа слов, в двух тонах, т. е. например та и таа, оставляя два других типа неуловленными и, таким образом, у них под слово „та“ подходило два понятия, равно как два понятия подходило под то же слово в начертании „таа“.

Выяснилось, что у дунган существуют те же 4 тона, которые мы имеем в северных диалектах Китая. Для практического обозначения этих тонов в тех случаях, когда это является безусловно необходимым, не предугадывая окончательной формы, можно было бы предложить следующую систему¹. Для первого тона начертание слова-слога обычное, для 2-го с апострофом между согласной и гласной, для 3-го удвоить гласную, для 4-го удвоить согласную. Например:

1-ый тон та	2-й тон т'а	3-й тон таа	4-й тон ттаа
1-ый тон јап	2-й тон ј'ап	3-й тон жаап	4-й тон јжаап

Вопрос окончательно выработанной формы латинизации дунганского языка требует своего разрешения безотлагательно, необходимо точно определить орфографические правила, дать грамматическую схему и, в связи с этим, в кратчайший срок создать орфографический словарь, учебную грамматику и ряд учебных пособий на основе латинизированной письменности. В данный момент организованная при Всесоюзной Академии Наук ударная группа ученых по введению латинизированной письменности для китайцев, под руководством акад. В. М. Алексеева, включила в план своих ближайших работ систематическую разработку дунганской латинизированной письменности и практическую помощь в составлении дунганских учебных пособий.

В данной статье общего характера я несколько задержался на вопросе дунганского языка, даже в известной мере внес элемент пропаганды в пользу обращения внимания на этот отрезок культурного фронта, но счел вправе это сделать, исходя из сознания не только важности этого вопроса, но и недостаточного знакомства с ним, как в общественных, так и в специально синологических кругах.

¹ Этот вопрос также разрабатывается группой по введению латинизированной письменности для китайцев при Институте Востоковедения Акад. Наук.

Обращаясь к языковому материалу с точки зрения фольклора, необходимо отметить, что почти весь дунганский фольклор до-революционного характера является чисто-китайским, равно и послереволюционный, за исключением новых советских песен, авторами которых являются крестьяне. В качестве примера старинных дунганских народных песен китайского происхождения приведу одну, записанную мною в селе Ырдык (Эрдоугу), Каракольского кантона, от Хусейна Вана, 36 лет, уроженца Каракола.

„Jvejar zhao huatai“

Лунный серп озаряет террасу цветов.

Ji jve zinqzy ni jvejar zhao hua
tai,

Sjanqci wodi lanqzvn zin je wan-
shanq lai

Zjao jahuan

Manq dashanq

Sy ljanq zju sy ge toudi caidjer
zimanq duanshanq lai

Zhoz mo ji zhanq

Kuaiz sja ljanq fanq

Syge toudi caidjer bei ljanq hanq

Wo ljan wodi lanqzvn sjusju zja-
chanq

Ji genq je bu lai

Er genq je bu lai

Lanqzvn ger na cvi tuanjuan nvi
cinqcai

Shou duanshanq

Sjanq ca leidi jan

Ljanq njen pulu lou lvitour gun-
sjalai

Er jve zinqzy ni jvejar wanq shanq
shenq

Sjanqci wodi lanqzvn lver zai sin
zhunq

Fanq shouer

Banzailjao fanq wo lvi

Ljanq njendi hao ku

В первый месяц в зеркале лун-
ный серп озаряет террасу
цветов,

Вспоминаю, что мой милый се-
годня ночью придет.

Зову служанку

Поскорее подать

Четыре меры вина, четыре блюда
овощей поскорей принести.

Вытерт стол,

Положены две пары палочек для
еды,

В два ряда четыре блюда ово-
щей,

Я и мой милый поговорим о се-
мейных делах.

Первая стража—он не идет,

Вторая стража—он не идет...

Милый мой, родной, когда ты
придешь соединиться со
мною?

Руку подняв,

Ароматный чай лениво глотаю,

В глазах моих слезы, слезинки
катятся вниз.

Во второй месяц в зеркале лун-
ный серп поднимается,

Вспоминаю моего милого, слезы
в сердце моем.

Обеими руками

Охватила свои колени,

Глаза мои от сильного плача

Seiljao jinqtao
 Ma ji shenq zyicjanqdaò
 Ni ci bu lailjao
 San chidi hunq linq gai buljao
 Wo sin zjao
 Ji lai ji wanq san njan zhenq
 Na sjasjar bu dao chu
 Ba nidi sin shanqljao
 San jve zinqzy ni jvejar zhao fu
 so
 Sjanqci wodi lauqzvn hao bu sinzve
 Cunqcjandi hua bjaosho ji bjan
 Ni bu nynq pje wo shouljao du-
 dan
 Fynqlju jishici zjanq sin bi zyzi
 Ni bu sy sansin erjidi bu nynq
 Sy jve zinqzy ni jvejar pianljao si
 Sjanqci wodi lauqzvn kuku ju cici
 Fanq shouer hunq linqzhanq
 Zo zai nage jachuanq shanq san
 sjanq ju sy sjanq
 Denq ni je bu minq
 Bir ni lynq chenqchenq
 Zjao jahuan
 Manq ba holur shenq
 Holuer
 Haobi sy zhanqfudi jhe
 Ljan zjaola shy shenq
 Zjao jahuan zjao bu jinq
 Wu jve zinqzy ni zi zjao tjen
 minqljanq

Краснее вишен.
 Укоряю его так: грабитель-раз-
 бойник,
 Неужели ты не придешь?
 В три аршина красное одеяло
 не разостлано,
 Сердце мое горит.
 Ко мне приходил ты три года
 ровно,
 Когда же я чем-либо нехорошим
 Твое сердце ранила?
 В третий месяц в зеркале лун-
 ный серп озаряет верхушки
 деревьев.
 Вспоминаю моего милого, не
 очень-то он торопится.
 В прежних разговорах ты мне
 говорил,
 Ты не можешь бросить меня, что-
 бы я терпела одиночество,
 Юная, в семнадцать лет, сердце
 твое как мое,
 Ты не из тех, кто „чувствует
 на-трое“, ты не можешь быть
 „на-двое думающим“.
 В четвертый месяц в зеркале
 лунный серп склонился к
 западу,
 Вспоминаю моего милого, плачу
 и горюю.
 В руках красное одеяло,
 Сажу на кровати, трижды, че-
 тырежды думаю,
 Ожидаю тебя, ночь не рассветает,
 Под одеялом так холодно.
 Зову служанку
 Скорей растопить жаровню,
 Жаровня
 Как муж горяча.
 Раз десять зову подряд,
 Зову служанку не дозовусь.
 В пятый месяц в зеркале, под
 пенье петуха, небо готово
 светать,

Hu tingde myn wai lanqzvndi
shenq

Zja zhuanq lunq

Ljanq shou wu er

Zo zai nage jachuanq shanq wu-
ljao jige shenq

Zjao jahuan zjao bu jinq

Zandi ljanq tui tynq

Nje zhanljao myn wai wo zjadi
sjosenq

Zjao jahuan

Zjanqhuar ba myn kjaikjai

Jishi wanq buljao nidi nyn

Gunjang kjaijan zjao

Jahuan ni danq ting

Zin jewan

Zjauqhuar ba myn kjaikjai

Meishanq ji zjan hao dunqsi nanli
nidi sin

Zjautjao kuzhen

Kusjan chenq ban zinq

Svizhoudi pazy Hangzhoudi shou-
zinq

Zjanqhuar tjen minq mei budelai
Chehuanla pi ta bu wei ge jhenq

Gunjang kjai jan dao

Jahuan ni danq ting

Ni gei nidi gudje ba myn kjaikjai

Shou la shou linq zinlai

Kjaikjai myn ljanq shan

Sjosenq shanq jachuanq

Shyer do njumyr

Cje kjaikjai

Si pier bei jhou jhuljao lauqdi
huai.

Вдруг слышу за дверью милого
голос.

Притворяюсь глухой,

Обеими руками закрываю уши,

Сию на кровати без единого
звука.

Зову служанку, не дозовусь.

От стояния обе ноги заболели.

Мне жалко родного, любезного,
за дверьми.

Зову служанку:

„Если откроешь дверь,

Всю жизнь не забуду твоей доб-
роты.

Когда девушка говорит,

Служанка должна слушать.

Этой ночью,

Если откроешь дверь,

Куплю прекрасных вещей, убла-
жу твое сердце—

Выберу иглу для вышивания,

Крученых шелковых ниток пол-
меры,

Шарф из Сюйчжоу, платок из
Ханчжоу.

Если с рассветом не куплю,

Буду обманщицей, не человеком.

Когда девушка говорит,

Служанка должна слушать.

Открой дверь твоему дяде,

Рукой за руку заставь войти!“

Открыла обе дверцы дверей,

Любезный подошел к кровати,

Двенадцать рядов пуговиц

Все раскрылись,

Тело с нежной кожей прижалось
к груди милого.

Таких старинных китайских песен у дунган существует весьма много; почти все они по содержанию бывают или лирического жанра или героического, связанного с китайской историей, при чем все, вместе взятые, имеют непосредственное отношение к мелодиям старинного китайского театра. Из наиболее популярных песен дунганского народа можно отметить „Sjan ci swan fu“—Добрая жена уве-

щеваает мужа, „Lancjaor dan fei“—Ланьцяор носит воду, „Sju haobaor“—Вышитый игольник, „La luoto“—Караван, „Zaofan“—Мятеж, „Ma dajhen linq binq“—Ма ведет войска, и др.

Все свои песни дунгане делят на две группы, т. н. „сяо-цуй цзы“, т. е. чисто-народные песни, и „да цуй-цзы“, или театральные арии, которые умеют петь только специалисты.

Рис. 6. Дунганские дети гор. Фрунзе Киргизской А.С.С.Р.

Советский быт внес новые мотивы, и среди дунганских крестьян рождаются песни, отражающие интересы сегодняшнего дня.

В песнях, сочиненных народными поэтами, мы наблюдаем такие, например, мотивы, как: гражданская война, раскрепощение женщин, антирелигиозные настроения, красные обозы, советская власть и т. д.

В качестве примера новых дунганских песен привожу песню, сочиненную крестьянином дер. Ырдык (Эр-доу гу), Караколь-

ского кантона, Салих Алиевым (Хэ Тянь-чэн), 30 лет, родом из Турфана.

Ljening dajhen zhao tjen denq	Ленин, почтенный—фонарь, озаряющий мир.
Cjunqminq guan den wanqejan sinq	Бедный люд, взирая на фонарь, движется вперед.
Fynq chui jv sja denq bu mje	Ветер дует, дождь идет—фонарь не гаснет...
Cvuan fanq pingunq zy ljenhe	Всех стран бедные рабочие соединяются.
Ji zja zhy gui gui bu pinq	Одному править государством, оно будет беспокойно.
Wan ming shanqji zhy gui gunq	Весь народ, обсудив, управит государством справедливо.
Cvuan fanq cjunq jhenq shou to shou	Всех стран бедняки рука об руку
Zhy tunq tjeusja buju chou	Устроят весь мир, и горя не будет.

Помимо песен, среди дунган существует богатая устная литература народных сказов, которая также целиком является устной традицией китайских народных романов, таких как „Сань-го“—Борьба царств, или „Шуй-ху“—Речная заводь, при чем сами дунгане указывают на их чисто-китайское происхождение.

Китайские формы в значительной степени вообще тяготеют в дунганском быту. Но, правда, с точки зрения материальной культуры дунгане почти целиком утеряли китайские элементы, орудия производства у них русские, утварь или средне-азиатская или русская. Если мы начнем рассматривать отдельные явления материальной культуры дунган, то, исключая элементы заимствованные, мы тотчас обнаружим или скрещенные или совершенно чистые китайские формы. Система постройки у дунган, несмотря на весь свой среднеазиатский характер, тем не менее носит явный отпечаток китайской культуры, начиная со строительного материала, в виде особого рода дунганских кирпичей, размером превосходящих среднеазиатские без примеси соломы, и кончая самым расположением постройки, представляющей северо-китайский тип жилища в виде отдельных строений, выходящих во двор. Правда, дунгане изменили китайской системе, прорубая окна наружу, на улицу, чего не делают китайцы, имеющие глухие стены, но даже сам способ кладки стропил чрезвычайно напоминает китайский, общее расположение построек, составляющих вместе дунганский двор, также является китайским. Внутренняя структура с неизменным каном-лежанкой, столиком для чая и сундуками для семейных реликвий, поставленных один на другой, постель с системой

одеял, ее закрывающих,—все это представляет китайский тип бытовой домашней обстановки. Но к этим китайским элементам, вплоть до китайского порядка в приеме гостей и местничества, примешиваются в сильной мере среднеазиатские бытовые элементы, связанные с мусульманской культурой.

Рис. 7. Улица в деревне Ырдык (Эр доугу) Каракольск. кантона Кирг. А.С.С.Р.

Во всяком случае в целом ряде обрядов и обычаев дунгане резко отличаются от своих средне-азиатских соседей, и эти особенности являются китайскими по происхождению. Сложный обряд свадьбы¹, особенно у дунган-шэньсийцев, в наиболее чистом

¹ См. статью Ф. В. Пояркова „Сватовство у дунган“. Этнографическое обозрение. 1903. № 2 и его же статью „Свадьба“. Этногр. обозрение, 1907, № 4.

виде передает китайские черты, белый траур по умершим в строгой градации от 40 дней до 3 лет, в зависимости от родственных отношений к покойнику — не менее показательный пример, не говоря уже об обрядах при рождении с обязательным подношением риса.

Дунганская пища, по составу и приготовлению, является национально-китайской северного типа, за исключением запрещенной мусульманскими законами. Способ обработки земли в огородах по грядковой системе, равно и некоторые земледельческие орудия, особые сорта овощей, вывезенные из Китая, и наконец культура риса и мака, все эти специфические черты китайской земледельческой

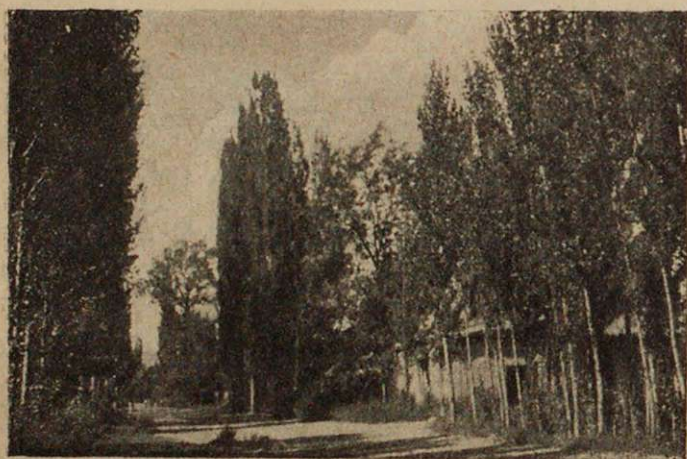

Рис. 8. Улица в деревне Каракуруз (Импань) Казакск. А.С.С.Р.

культуры рельефно подчеркивают обособленный характер дунганского населения.

Основное занятие дунган — хлебопашество и огородничество. Дунганские поселения в районе Чуйской долины являются пионерами рисовой культуры в Средней Азии. Объединенные в коллективные хозяйства, дунгане ведут обработку рисовых полей по системе, вывезенной из Китая.

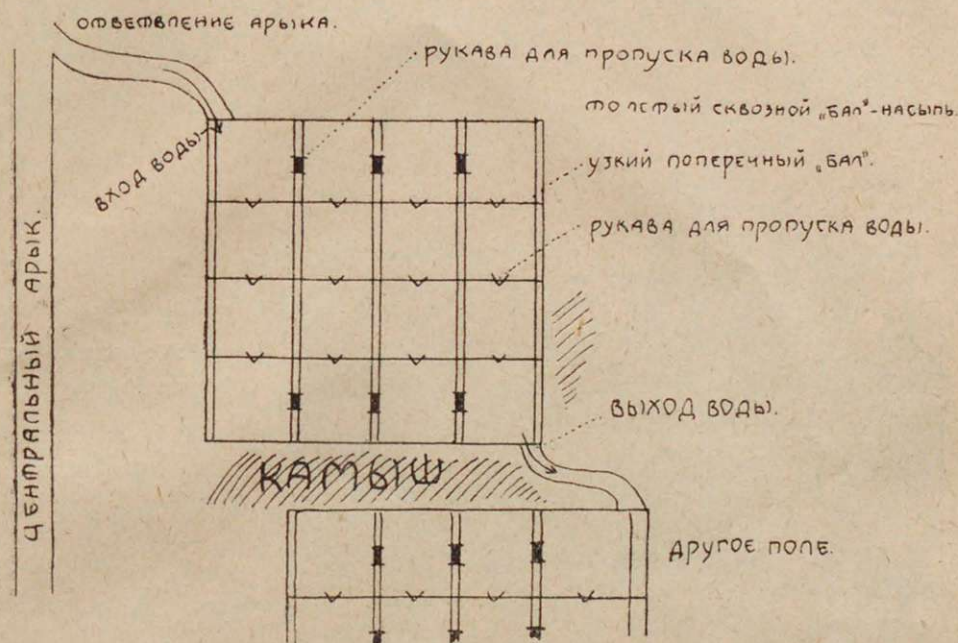
Наиболее обширным районом рисового хозяйства является территория деревень Каракуруз и Шортюбе на реке Чу в пределах Казакской АССР. Общая площадь рисовых полей, которые не входят в общий земельный надел, равняется в данный момент 1900 га, т. е. по 0,23 га на душу¹.

Ирригационная система на территории, занятой рисовыми полями, состоит из пяти главных арыков и Черной речки, Карасу, свя-

¹ Рисовых полей с камышом приходится по 0,33 га на душу.

занных с главным водным бассейном—рекой Чу. Между этими водными магистралями неровными квадратами, от 800 до 1500 кв. метров, в зависимости от рельефа местности, расположены рисовые поля, которые обрабатываются 1 раз в году. Работы начинаются с 15 мая и кончаются к 10-му июля.

Общий вид рисовых полей представляется схематически в следующем виде:

Вода напускается на поля по мере готовности пашни, поля стоят под водой дня два, затем раза три-четыре боронят землю, собирают граблями всплывающий сор и, наконец, начинают сеять, вдоль и поперек верхом на лошади, или же ходя по «балу», т. е. по насыпям, делящим поля на квадраты. Сеют рукой из мешка, в котором находится так называемая «шала», посевное зерно риса, которое предварительно намачивается, чтобы оно не всплывало во время сева. Посеянное таким образом зерно заносится илом от течения реки Чу. Сеют группами по 5—6 человек на поле, в колхозах же составляются смены по 40—60 человек. Сев заканчивается в два-три дня. После этого поле не боронят и оставляют лишь смену наблюдателей, следящих за водой, которая должна всегда оставаться на определенном уровне, на высоте 25—30 сантиметров до конца, то есть до созревания риса.

Когда показываются из-под воды ростки риса, начинается полка «курмека», куриного проса и камыша, а через месяц происходит

вторая, окончательная полка. Рис поспевает в конце сентября, начале октября, при чем вода выпускается с полей недели за две до поспевания.

Жнут рис обычно мужчины, вручную, русскими или дунганскими серпами. Колос сушится в снопах и затем молотится каменными катками при помощи лошади, как и в Китае. Веют лопатами на ветру,

Рис. 9. Тип дунганского жилища. Гор. Фрунзе Кирг. А.С.С.Р.

подбрасывая зерно вверх. Обычно на местах вблизи риса сеют кукурузу и, убрав ее до риса, превращают кукурузное поле в ток. Урожай риса доходит до 2 тонн с гектара, при количестве 180 кг. на посев.

Рисовая культура является настолько специфической для дунган, что я принужден был несколько задержаться на этом вопросе для иллюстрации основной хозяйственной единицы в дунганском быту. Другие зерновые культуры уже не являются столь специфичными и столь близко связанными с Китаем. Зато культура мака, как и рисовая, принесенная дунганами, по способу производства повторяет китайские способы.

Из других специфических дунганских производств можно отметить еще выработку пищевых продуктов, как напр. крахмальной

лапши (фынтяонзы), вермишели, уксуса, которые пользуются широким распространением в Средней Азии.

Этот же район может служить примером некоторых цифровых данных по народному хозяйству и социальному составу дунган.

По данным на 1929 год количество дунганского населения Каракунуза и Шортюбе, вместе взятых, исчислялось в 5208 человек; из этого числа на Каракунuz приходилось 3864 человека, на Шортюбе—1344, с общим количеством хозяйств в 966 дворов (703 в Каракунузе и 263 в Шортюбе).

Социальный состав населения по данным землеустройства распределялся следующим образом:

К а р а к у н у з Ш о р т ю б е

Батраки	9,1%	4,9%
Бедняки	43,5 „	47,4 „
Малые середняки	15 „	6,9 „
Средняки	14,9 „	32,8 „
Выше средн.	—	1,1 „
Кулаки	17,5 „	6,9 „

Общей пахотной земли по Каракунузу было на 1930 год—8108,88 га, и по Шортюбе 4285 га, не считая тех 1900 га, которые числились под рисом. Урожайность с земли, которую привожу тоже в виде таблицы, одновременно дает представление о характере посевов.

С каждого гектара снимаемый урожай в килограммах выражается в следующих цифрах:

Пшеница 550—1150	Греча 650	Опий 1,5—3
Ячмень 1150	Просо . 1000—1150	Табак 650
Овес 1100	Подсолнухи 500	Рис 1600—2000 (с шалой)
		Люперна 5500
		Картофель 9000—10000

Что касается огородничества, которым занимаются дунгане, то в число выращиваемых овощей входят: дунганская морковь, фасоль, соя, дунганский лук, перец, дунганская капуста, дыни, огурцы, арбузы, сурепка, кольраби.

Если характеризовать в качестве примера условия землеустройства дунган на новых местах, то можно привести хотя бы данные по двум вновь образовавшимся дунганским поселениям в пределах Кирг. АССР, Милянъчуань и Юшаньло, Фрунзенского кантона.

Деревня Юшаньло возникла в 1925 году, насчитывает 193 души, имеет 447 га земли, из них 41 га отведен под усадьбную землю. 164 га поливной земли и 242 га под выгон. Деревня Милянъчуань возникла в 1926 году, насчитывает 1120 душ с общим количеством

земли 1689 га поливной, 192 га сенокосной и по $\frac{1}{2}$ гектара усадебной на каждый двор.

В условиях нового землеустройства дунгане перестраивают общественную жизнь в соответствии с новыми формами быта, под влиянием новой культуры постепенно исчезают консервативные элементы, и на смену пережиточным формам старо-китайского быта приходят новые, советские.

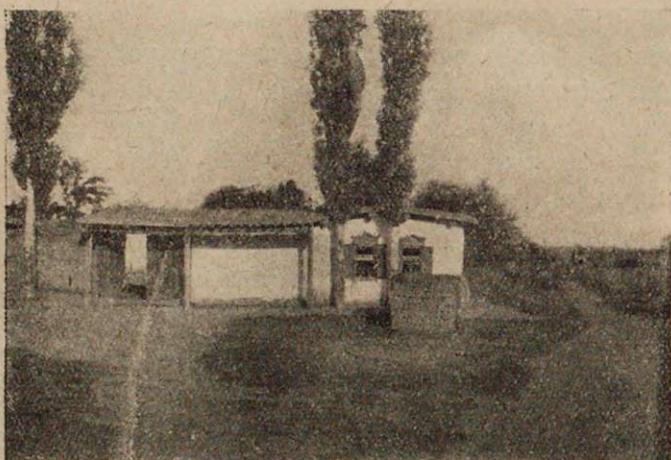

Рис. 10. Тип дунганского жилища. Деревня Ырдык (Эр доу гу) Каракольского кантона Кирг. А.С.С.Р.

В отношении коренного переустройства дунганского быта на новых началах огромное значение имеет та культурная работа по народному образованию, которая сейчас проводится на основе латинизированной дунганской письменности.

Та новая социалистическая культура, которая строится среди пробудившегося Востока, коснулась и дунганского народа, в этническом и языковом отношении тесно связанного с многомиллионным населением Китая.

23-X-1930.

Ленинград.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

СВЯЗИ ФОЛЬКЛОРА
С ДРЕВНИМИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ
И ОБРЯДАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1977

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В РЕЧИ ДУНГАНСКИХ СВАТОВ¹

В традиционном свадебном обряде у дунган в прошлом очень велика роль сватовства и самих сватов. Обычно в каждой деревне имелись люди, которые специально занимались сватовством.

Во время обряда сватовства сваты часто употребляли множество пословиц, поговорок, устоявшихся выражений и формул. В начале обряда сват обычно произносил: «В одной семье растет дочь, ее сватают сто семейств», или: «Что одна семья не подходит к другой — это ложь. Одна семья поддерживает вапу и хочет с вами породниться», или: «Без сватанья не породнишься». Восхваляя красоту будущей невесты, сват говорил: «У вас во дворе растет цветок, а у нас есть ясный сокол».

Если же в качестве свата выступал близкий друг отца невесты или муж ее старшей сестры, то он свою речь пересыпал особыми поговорками и выражениями, не употреблявшимися другими сватами, в которых подчеркивалась необходимость выдать замуж дочь именно за данного жениха. Например: «Рано ли, поздно ли родители должны снять с себя ответственность», или: «Поздно ли, рано ли родители должны снять с себя ответственность, выполнить свой долг». Смысл этих выражений один и тот же: «Наступил час, когда родители должны выдать свою дочь замуж, так как это их долг».

Часто, чтобы добиться желаемого результата, свату приходилось по нескольку раз ходить в один и тот же дом. При этом, как бы успокаивая родителей жениха, он говорил им: «Если даже с четырех раз не сосватаешь невесту, надо идти в пятый и шестой

¹ Данная работа написана по материалам, собранным автором во время его работы у дунган в 1972 и 1973 гг. в составе уйгурско-дунганского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР от информаторов в возрасте от 60 до 70 лет. О старой свадьбе у дунган см. также: Поярков Ф. В. 1) Сватовство (*ше-мий*) у дунган. — Этнографическое обозрение, 1903, № 2; 2) Дунгане селения Каракуруз Пишпекского уезда Семиреченской области (этнографические очерки). Свадьба (*цуй-си-фур*). — Этнографическое обозрение, 1907, № 4.

раз». Эту же пословицу мог сказать и отец невесты, если сват выражал недовольство тем, что тот тянет с окончательным ответом.

Если родители невесты упрекали жениха в лени, сват приводил ряд пословиц и поговорок, реабилитировавших его: «И не видный из себя плотник постройт здание», «Бывает, что и незаметный мальчик постройт здание».

Если сват хотел показать честность, сплоченность семьи, от имени которой выступал, он использовал известную дунганскую поговорку: «Когда большая семья собирает хворост, то от него больше пламени». Когда же родители невесты отказывали жениху под тем предлогом, что у него семья слишком многочисленна, сват говорил: «Когда семья многочисленна, работать легче» или: «Для того чтобы дело шло на лад, надо трудиться сообща», подчеркивая тем самым, что неправы те, кто не одобряет многочисленные семьи.

Получив согласие родителей невесты, сват приступал к собственно сватовству, которое проходило согласно традиционным правилам и определенному ритуалу (*ли*). Родители невесты необходимость следовать правилам сватовства, которые установили предки, выражали словами: «Когда сватаешь, надо договориться о правилах». Сват соглашался с ними: «Сначала нужно договориться, чтобы потом не было скандала. Что хотите, то просите — может быть, выкуп за девушку стоит тысячу жин золота (*цзинь*)».² Иногда сват говорит: «Для того чтобы быть справедливым, надо прийти к единому мнению».

Иногда по вине одной из сторон свадьба расстраивалась. Родители жениха снова посылали сватов к родителям невесты. Сват старался устранить конфликт. В речи он использовал пословицы и поговорки, в которых говорилось о необходимости связи между семьями: «Не породнишься — две семьи, породнишься — будет одна семья».

Нарушение договора о свадьбе иногда происходило по вине человека, ранее просившего руку девушки, но получившего отказ. Этот момент тоже нашел отражение в поговорке: «Из-за вредности одного человека страдают многие».

Обычно тот, кто хотел сорвать свадьбу, от имени родителей жениха распространял порочащие девушку слухи. В таких случаях родители невесты вызывали свата и говорили ему: «Не ударишь в литавры, они не зазвучат». Сват отвечал: «То, что видел, — истина, то, что слышал, — ложь». Чтобы предотвратить неприятный исход событий, сват находил главного виновника и убеждал родителей невесты в недостоверности слухов. Помирив родителей жениха и невесты, сват напоминал: «Любовь нельзя разрушить» или: «Можно разрушить мечеть, нельзя разрушить любовь», или: «Можно разрушить древний храм и старую мечеть, нельзя разрушить любовь и свадьбу».

² Один цзинь равен 0.5 кг.

Любое сватовство требовало от свата находчивости и остроумия в ответах; он не должен был теряться или занимать нерешительную позицию. Все пожелания родителей невесты он честно должен передать родителям жениха. Потому в самый первый день сватовства сват напоминал обеим сторонам о своей роли следующей пословицей: «Когда сватаешь, не очень-то хвали свое богатство, иначе, когда заполучишь невесту, навлечешь на себя трудности».

Дунганские сваты считали, что человек не должен в своей жизни совершать два тяжких проступка: 1) вмешиваться в дела должников; 2) сватать необдуманно. Это «кредо» воплотилось у дунганских сватов в поговорку, которая существует и поныне: «Тот, кто вмешивается в дела должников и сватает неосмотрительно, пусть сердится на себя».

У дунган родители с детства собирали приданое для своих дочерей, и если они не в состоянии были дать большое приданое, сват ставил им это в упрек: «Воспитывая дочь, заботься и о приданом» или же: «Воспитать дочь — это значит платить деньги и передавать вещи, не заплатишь — ни шагу не сделаешь». В настоящее время эту поговорку употребляют люди, у которых в семье растет много дочерей.

Восхваляя щедрость и великодушие родителей невесты, сваты обычно говорили: «Если есть деньги — детям платишь, если их нет — детей продаешь». Смысл этой пословицы такой: «Когда у родителей много денег, то детям дают должное приданое, когда денег нет или их мало, то родители торгуются о размере приданого».

Хотя родители жениха и невесты через свата договаривались об определенной сумме *личьяна* (калыма), тем не менее иногда возникал конфликт из-за этого на самой свадьбе. В таких случаях сват, обращаясь к родителям невесты, говорил: «Я вас предупреждал, что этот конец не подгорел, а другой не воспламенился. Вы тогда пришли к единому согласию». После такого напоминания родители невесты обычно успокаивались.

Миссия свата далеко не всегда кончалась успешно. Получив категорический отказ от отца невесты, сват заявлял родителям жениха: «На белой стене — зеленый бутон пиона, на вид он доступен, но сорвать его трудно», просил заменить его другим, более опытным сватом или же шел сватать в другой дом.

Однако случалось, что сваты унижали дочь родителей, отказавших им, упрекая родителей в том, что они не желают породниться с человеком, пользующимся большим авторитетом в общине, а предпочитают ему какого-то голодранца: «Пусть родители отдадут свою дочь за того *цохуаза* (т. е. нищего), который только и достоин их дочери».

В настоящее время молодые люди сами решают вопрос о браке, а затем сообщают родителям о своих намерениях. Родители жениха уже чисто формально посылают свата в дом невесты.

Это намного облегчает хлопоты свата. Если, например, родители невесты, ничего не зная, отклоняют предложение, сват поучает их: «Сейчас не те времена. Жизнь намного стала богаче и намного изменилась. Право молодых людей в их руках, они сами себе выбирают человека. Они сырую кашу превратили в вареную. Почему вы еще отказываете?»

За годы Советской власти в жизни дунган произошли коренные социально-экономические и культурные преобразования.³ Изменилась и роль сватов в новой свадебной обрядности: традиционные пословицы и поговорки дунганских сватов в настоящее время приобретают новое звучание, соответствующее новым условиям жизни.

³ Шинло Л. Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965; Сушанло М. Я. Дунгане (Историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971; Решетов А. М. 1) Современные этнические процессы у дунган. — В кн.: Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973, с. 78, 79; 2) О соотношении традиционной и современной культуры дунган. — В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых исследований Ин-та этнографии в 1972 г. Ч. 1. М., 1974, с. 116—120.